

НАРОДЫ СССР

Кавказский этнографический сборник. VIII. М.: Наука, 1984.

Очередной выпуск сборника, популярного в широких кавказоведческих кругах, освещает актуальные, малоизученные вопросы этнографии народов и регионов Кавказа.

Он открывается содержательной статьей А. Е. Тер-Саркисянц «Современный быт армян Абхазии». В ней обстоятельно изложен и объективно проанализирован добротный полевой материал, собранный автором в 11 населенных пунктах с преобладающим армянским населением четырех административных районов Абхазской АССР. Читатель получает достаточно полное представление о традициях и новациях в нынешнем быте этой группы населения. Постоянное сравнение с ситуацией в селах Армянской ССР позволяет показать эти черты особенно рельефно. Выводы А. Е. Тер-Саркисянц об основных причинах специфики бытовой культуры «амшенских армян» представляются вполне убедительными. Однако роль курортной зоны Черноморского побережья в бытовом развитии живущих здесь армян в настоящее время, очевидно, глубже и шире, чем видится автору (с. 16), несколько преувеличивающему, по-моему, значение хронологического фактора в истории армян в Абхазии. Ведь «более века» назад сюда прибыло всего 117 человек, а основной многотысячный приток переселенцев относится к 1915—1924 гг. (с. 3). Недостаточным представляется и комментарий некоторых крайне интересных и знаменательных фактов и тенденций (например, состава межнациональных браков — с. 12).

В статье Я. С. Смирновой рассматривается положение старшей женщины у народов Кавказа. Известный знаток семьи и семейного быта северокавказских горцев, она в целом убедительно показывает «функционально обусловленный, а не пережиточно дисфункциональный высокий статус „старшей“ в большой семье» на Кавказе, весомо подтверждая эту мысль яркими закавказскими материалами. Вместе с тем не исключается и возможность выявления пережиточных матриархальных мотивов особого положения «старшей». Склонен думать, что автор проявляет осторожность ввиду того, что при всестороннем и равноценном изучении этого характерного явления у конкретных этносов варибельность и сложность окончательных выводов может оказаться достаточно высокой. В связи с этим можно отметить, например, недостаточность имеющихся (как и приведенных в статье) данных о реальном статусе и возможной исторической подоплеке положения «старшей» у чеченцев и ингушей (о последних вообще сказано, что применительно к ним соответствующих «сведений нет» — с. 28)¹. Однако в любом случае статья Я. С. Смирновой — серьезный шаг в выяснении поставленной проблемы.

Очерк культуры и быта русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI—XIX в. дан в публикации Л. Б. Заседателевой. Это весьма насыщенный аналитический обзор всей суммы наличных данных, далеко еще не полностью вошедших в арсенал исследователей, занимающихся этнографией региона. Нельзя не отметить отдельные недостатки работы (например, неполнота информации о первоначальных местах поселения и последующих перемещениях гребенских казаков²; непоследовательность на с. 45—46 в определении времени появления первых документальных сведений о хозяйстве у них — то «начало XVIII в.», то «середина XVII в.»; атрибуция «монист» лишь кубанским славянам неточна³). Однако это не умаляет большого научного значения интересной и полезной статьи Л. Б. Заседателевой.

Статья одного из ведущих кавказоведов, ныне покойного Л. И. Лаврова, представляет собой скрупулезную сводку документальных сведений о стихийных бедствиях на Северном Кавказе до XIX в. Сделать ее под силу только ученому огромной эрудиции и неординарного научного мышления. Трудно переоценить значение указанного исследования, которое, вполне естественно, не могло исчерпать всей суммы имеющихся данных. Так, можно расширить список примеров хорошо датированных антисейсмических «устройств» в памятниках архитектуры⁴, связать с землетрясением 1368—1369 гг. разрушение храма Тхаба-Ерды в горной Ингушетии, вспомнить русские источники 1614 г. о сильном «недоробе» хлеба «в Черкасах» и др. Все эти и подобные им факты должны внимательно учитываться при попытках реконструкции исторического процесса в изучаемом регионе.

Статья Б. А. Калоева «Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XX в.» подкупает прежде всего тщательным использованием источников и их детальным ана-

¹ См., например: *Исламов А. А.* К вопросу о первобытнорелигиозных представлениях у предков вайнахов. — Изв. Чеч.-Инг. НИИ. Т. IX, ч. I, вып. I. Грозный, 1972, с. 55; *его же.* Вайнахские культы огня и плодородия как явления матрилинейного порядка. — Там же, с. 75—76; *его же.* Пережитки первобытнообщинного материнско-родового уклада у чеченцев и ингушей (историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. Тбилиси, 1973, с. 15.

² Библиографию см. *Магомадова Т. С.* Расселение гребенских казаков в XVI—XVII вв. — В кн.: Археология и краеведение — вузу и школе. Тезисы докладов. Грозный, 1981, с. 14—16.

³ См., например, *Виноградов Б. С.* Пояснение к иллюстрациям. — В кн.: Русские писатели в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1958, с. 131 (комментарий изображения гребенской казачки 1848 г.).

⁴ *Наглер А. О.* О датировке Хилакской оборонительной стены. — В кн.: Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 56—59.

лизом, позволяющим автору выявить скифо-аланские генетические связи. Добротная, полная чрезвычайно выразительных сведений работа прежде всего пролагает путь для аналогичных исследований в этнографии соседних народов. Кроме того, она содержит достоверный материал для выявления в будущем следов кавказского вклада и многообразных последствий межэтнического ирано-кавказско-тюркского синтеза в формирование комплекса похоронных обычаев и обрядов у большинства народов Северного Кавказа в средневековье.

Большой интерес вызывает доскональная и прекрасно иллюстрированная оригинальными рисунками и фотографиями публикация Г. А. Сергеевой «Вязаная обувь народов горного Дагестана». Причем фактический материал статьи охватывает большую территорию, включающую горную Восточную Грузию (тушины, хевсуры). Это побуждает исследователей к внимательному, целенаправленному поиску возможных аналогов и в горной Чечено-Ингушетии, где в позднесредневековых склепах в последние годы археологами найдены в хорошей сохранности образцы вайнахской одежды XVI—XVIII вв. Учитывая исторически тесные и мотивированные связи Чечено-Ингушетии с Тушетти и Хевсурети, можно надеяться на успех сравнительно-типологических исследований, хотя отсутствие этнографических свидетельств XIX в. настораживает.

Ю. Д. Анчабадзе обратился к изучению дискуссионного вопроса об этнокультурном содержании этнонима «абаза», история употребления которого насчитывает уже почти два тысячелетия. Привлекая самые разнообразные источники (в том числе и репродукции уникальных рисунков середины XIX в.), автор дал объективную картину этнической (и в более сжатой форме — социально-экономической и культурной) истории абазов Северо-Западного Кавказа. Расширительное толкование автором этнонима, который нередко обозначал этническую общность, включавшую горцев-абхазов (Чебельда, Дал), садзов, убыхов и группы западных адыгов, т. е. разные по этнической принадлежности общности, представляется обоснованным. Но если Чебельда и Дал четко определены как абхазские (с. 145, 163, примеч. 47), то в отношении садзских обществ автор закономерно подчеркивает дискуссионность вопроса об их этнической принадлежности (с. 145, 163, примеч. 47). Все это заставляет «предостеречь от излишне прямолинейного сопоставления этнонима „абаза“ с тем или иным определенным этносом данного региона» (с. 163). Статья Ю. Д. Анчабадзе представляется хорошим образцом корректного подхода к оценке сложной этнической обстановки во многих областях Кавказа.

Очень выразительный материал обобщен в работе Л. Т. Соловьевой «Обычаи и обряды детского цикла в Грузии (вторая половина XIX — начало XX в.)». Впервые, пожалуй, читатель может получить ясное представление о сути проблемы. Убеждают и конечные выводы автора. Однако хотелось бы в заключительной части статьи увидеть хотя бы беглое сравнение с ближайшими северокавказскими соседями горных грузин. Тогда, вероятно, своеобразие их обрядности (прежде всего в Хевсурети) можно было бы объяснить не только «замедленными темпами развития» и изоляцией от «более развитых равнинных районов Грузии», но и связать с уровнем производительных сил и реальной историко-культурной общностью населения высокогорной зоны Кавказа.

Важную и остро назревшую проблему о месте антропонимического источниковедения в системе кавказоведческих наук поднял Г. В. Цулая. На примере анализа блока ираноязычных имен в верхних слоях социальной структуры грузинского общества III в. до н. э. — XII в. н. э. автор тонко и в основном убедительно показывает сложность политического и культурного развития грузинского этноса, его исторически мотивированные связи с сармато-аланами. В статье поставлен вопрос о глубоких и тесных аланско-ипсачских, алано-протовайнахских взаимоотношениях как части общекавказской этнической панорамы начала нашего тысячелетия и показатель незаурядной роли в ней Алании. Жаль, что в основное название статьи Г. В. Цулая вынес частный пример соотношенности тождества имен «Отрок Шарукан» и «Атрака Шараганис-дзе», который не передает даже малой доли богатого содержания выполненного труда. К тому же именно построения, связанные с толкованием термина «отрок», вызывают определенные сомнения. Остроумная логическая конструкция «отрок» — «добрый молодец» все же явно искусственна, ибо совокупность вариантов значения русского слова «отрок» и производных от него обозначает скорее незрелость, неравность, неполноправность, непризнанность, даже известную ущербность. Ведь исходная этимология слова «отрок» — «не говорящий, не имеющий права говорить (на вече)»⁵. Но это, разумеется, частный недостаток, никак не умаляющий главную суть авторских суждений.

Остается сказать о завершающей сборник крупной статье Н. Г. Волковой «Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х годов как этнографический источник». Эта снабженная отличными иллюстрациями работа вновь показала высокий профессиональный уровень и широкий кругозор исследователя, не раз уже продемонстрировавшего в своих трудах истинно новаторский подход к источниковому обеспечению этнографического кавказоведения⁶. Нынешняя статья не просто «путеводитель» по бо-

⁵ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

⁶ См., например: Волкова Н. Г. Изобразительные материалы как источник изучения материальной культуры народов Кавказа. — В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1971, с. 97—115; *ее же*. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. — Кавказский этнографический сборник. VI. М.: Наука, 1976, с. 254—293; *ее же*. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973, и др.

гатайшему информационному лабиринту семитомных «Материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Это превосходный пример того, как следует использовать в научной практике большие этнографические материалы аналогичных дореволюционных изданий, пока что, к сожалению, остающихся вне поля зрения этнографов-кавказоведов.

Общая оценка нового выпуска «Кавказского этнографического сборника» должна быть безусловно высокой. Составляющие его статьи внесут ощутимый вклад не только в этнографию Кавказа, но и будут способствовать дальнейшему заслуженному росту научного признания этого ценного сериала.

В. Б. Виноградов

Р. А. Топчишвили. Миграция горцев Восточной Грузии в XVII—XX вв. Тбилиси: Мецниереба, 1984, 146 с. (на груз. яз.).

Кавказ, как горная страна, с древнейших эпох всегда был зоной интенсивных переселений с гор на равнину. Грузия в этом плане не составляла исключения. И здесь в силу социально-экономических, политических и природно-географических факторов жители гор постоянно мигрировали в равнинно-предгорные районы. Влияние таких переселений на социально-экономические, этнокультурные и демографические характеристики переселенцев было огромно. Поэтому понятно, что изучение подобных миграций в этнографическом плане является одной из важных научно-исследовательских задач. Не менее существенно изучение этих процессов и с практической точки зрения, так как и в настоящее время переселения горцев на равнину продолжают и вопросы культурно-бытового устройства переселенцев приобретают все большее значение.

В свете вышесказанного монография Р. А. Топчишвили представляет удачную и во многом своевременную разработку важного научного направления, которому в этнографическом кавказоведении уделяется недостаточное внимание. Автор рецензируемой монографии отмечает этот момент, подчеркивая, что историко-этнографические аспекты миграций горцев Грузии (можно добавить и всего Кавказа) в равнинно-предгорные районы до сих пор принадлежат к числу малоизученных проблем современной этнографии. Можно назвать лишь считанные работы, в которых исследуются или только затрагиваются отдельные вопросы этой многогранной проблемы. Правда, в последние годы ее изучение несколько активизируется. Подтверждением тому служит, в частности, Всесоюзная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Душети, октябрь, 1984 г.), где наряду с докладами по археологии достаточно широко были представлены доклады по историко-этнографической проблематике.

В основе книги Р. А. Топчишвили большой архивный и этнографический полевой материал, собиравшийся автором в течение 6 лет экспедиционной работы в Душетском, Тианетском, Мцхетском, Сагареджойском, Ахметском, Телавском и Цителцкаркойском районах Грузинской ССР. Сопоставление собранных материалов с данными письменных источников дало возможность показать достаточно широкую картину миграций горцев Восточной Грузии на протяжении длительного времени — с XVII до XX в. Автор не ограничивает свою задачу исследованием лишь фактов миграций, но подробно характеризует причины переселений, а также процессы культурной адаптации горцев в новых условиях жительства на равнине и в предгорьях.

Рецензируемая монография состоит из введения (здесь даны обзор источников и историография вопроса) и шести глав.

В первых трех главах рассмотрены миграции двух этнографических групп грузинского этноса — хевсур и пшавов, направлявшиеся в районы Эрцо-Тианети, в Кахети и в ущелье р. Арагви. В исторически фиксируемых миграциях грузин-горцев на равнину автор выявляет два этапа. Первый — ранний (миграции в Эрцо-Тианети), второй — поздний (из области Эрцо-Тианети в Кахети, в частности пшавов в Ширакские степи). Как выясняется, амплитуда этих миграций была значительной. Но наибольшая их интенсивность, например в Эрцо-Тианети, судя по приводимым материалам, приходилась на 50-е годы XIX в. Первоначально мигранты селились общинами, состоявшими из представителей одной фамилии. Таким образом формировались моногенные поселения. Со временем их моногенность в значительной мере была нарушена. Едва ли не самой главной причиной этого процесса Р. А. Топчишвили считает институт примачества. Думается, что все-таки не этот институт был основной причиной распада моногенных селений горцев-мигрантов. Еще большее значение, видимо, имели такие социальные институты, как хизани и аманати. В целом именно этот комплекс причин и приводил к постепенному нарушению моногенности поселений, создававшихся в предгорно-равнинных областях Грузии переселенцами пшавами и хевсурами. В пореформенный период ситуация уже менялась. Переселяясь нередко одиночками, горцы устраивались в разных селах Эрцо-Тианети на правах хизани (дословно — «приютившийся»).

Особо хочется остановиться на IV главе, в которой в качестве источника для изучения миграций рассматриваются этнографические материалы — топонимия и культовые памятники. Признавая ценность топонимии как исторического источника, нельзя не напомнить, однако, что такие материалы (как и в целом ономастические) весьма сложны и требуют корректировки данными других источников, в первую очередь письменных.